

3. Наступление на инакомыслие (1980—1984)

474

Намерение покончить с диссидентами еще не означало наличие возможности сделать это. Диссидентская среда опиралась на поддержку Запада, и пока политика разрядки была жива, наступление на инакомыслие откладывалось.

Когда это наступление началось? Л.Алексеева считает, что «началом „генерального наступления“ на инакомыслие можно считать 1 ноября 1979 г. Похоже, к этому дню КГБ получил “добро” на осуществление последовательного плана разгрома независимого общественного движения, разработанного еще в 1977 г.»¹³³ Л.Алексеева связывает свой вывод с арестами Г.Якунина, Т.Великановой и А.Терляцкаса, а также с последующей цепью арестов. Начало наступления 1 ноября 1979 г. представляется сомнительным. Количество арестов и задержаний в ноябре лишь незначительно увеличилось по сравнению с ноябрем предыдущего года. До этого также были всплески репрессий (дела хельсинкских активистов, в том числе академика Ю.Орлова, дело А.Щаранского и др.). Власти не проводили пока тотальных арестов известных им «злоумышленников», а ограничивались арестами ключевых фигур. А на 1980 г. приходится беспрецедентный с 1974 г. рост осуждений по 70-й статье УК¹³⁴, «вал» арестов начался с января 1980 г.

Началом «генерального наступления» КГБ против диссидентов правильнее считать высылку А.Сахарова в Горький. Еще в 1978 г. Андропов назвал Сахарова «врагом номер один» внутри страны¹³⁵. Несмотря на это, Сахаров имел возможность относительно свободно действовать. Политбюро опасалось международного скандала. После ввода войск в Афганистан, предполагавшего ухудшение международных отношений, оглядываться на Запад было уже не нужно. Вопрос о Сахарове был поставлен на Политбюро еще 26 декабря 1979 г. 3 января было решено не судить академика, а ограничиться внесудебной высылкой¹³⁶. Таким образом, вопреки распространенной версии, непосредственной причиной высылки Сахарова стало не его выступление против ввода войск в Афганистан, а ввод войск как таковой. Е.Фейнберг обращает внимание на еще одну возможную причину высылки: «В процессе моего разговора с одним вице-президентом, проходившем в то непонимание и сочувствие, он сказал неожиданно для меня: “Ведь дело не только в его протесте против афганских событий. Хуже то, что он с женой был у американского посла и долго с ним беседовал, а ведь он носитель государственно важных секретов”. — “Этого не может быть!” — воскликнул я... При первой же встрече с Еленой Георгиевной я спросил ее об этом. Она подтвердила: “Ходили. А что в этом особенного?”... Но если разговор зашел, скажем, о разоружении или международных отношениях, легко могло проскользнуть что-нибудь лишь на первый взгляд не существенное. Один мой умный знакомый, много лет работавший с А.Д. на объекте, любивший его и пользовавшийся его уважением... сказал мне: “Вы же понимаете, что соответствующие американские специалисты будут “рассматривать в лупу” магнитофонную запись этой беседы”»¹³⁷. На заседании Политбюро Андропов доказывал, что дальнейшее присутствие Сахарова в Москве недопустимо, и необходимо изолировать его от иностранцев. В то же время, когда речь зашла о сибирских городах, Андропов, ссылаясь на мнение вра-

чей, настоял на Горьком, поскольку климат в нем соответствует московскому¹³⁸.

Ссылка Сахарова стала началом и символом нового курса режима в отношении диссидентов, а сам Сахаров был практически публично признан «главным внутренним врагом», каковым и оставался до 1986 г., когда на это почетное место был посажен абстрактный «бюрократ».

Арест Сахарова был произведен по всем правилам полицейского искусства — во время его поездки на работу 22 января. Однако КГБ не удалось предотвратить немедленное распространение информации о происшедшем в диссидентской среде и за рубежом¹³⁹.

Ссылка в Горький сломала размеренный ритм общественной активности Сахарова. Прежде он был предсказуем, ритмичен, «дежурен» в своих откликах на промахи властей. Изменение жизни, связанное со ссылкой, позволило Сахарову преодолеть «иерархическую» стадию, неизбежную даже для «человека идейного» — теперь Сахаров стал «идейным в квадрате» — бескомпромиссным, атакующим, готовым жертвовать жизнью даже ради «малого». По принципу «не шагу назад». Наступало время решающих, драматических столкновений с властью, время голодовок, время величайших научно-философских размышлений и открытий.

Г.Владимов комментировал действия властей: «Сослав его в Горький без следствия и суда, без объявленного приговора и срока, применив меру, из ряда вон выходящую, власть оказала ему честь, которой мог бы удостоиться разве лишь наследный принц или возможный президент»¹⁴⁰. Против высылки Сахарова и заключения члена-корреспондента АН Армянской ССР Ю.Орлова выступали не только диссиденты, но и видные советские ученые. Л.Капица писал Ю.Андропову: «Сахаров и Орлов своей научной деятельностью приносят большую пользу, а их деятельность как инакомыслящих считается вредной. Сейчас они поставлены в такие условия, в которых они вообще не могут заниматься никакой деятельностью». Ссылаясь на опыт взаимоотношений Ленина и оппозиционного ученого Павлова, Капица приходил к заключению: «Не лучше ли попросту дать задний ход?»¹⁴¹. В одном Капица ошибался — Сахаров не прекратил общественной деятельности и теоретической работы. Он продолжал обращаться к стране и миру. В послании академику Александрову Сахаров писал: «Важнейший тезис, который со временем лег в основу моей позиции, — неразрывная связь международной безопасности, международного доверия и соблюдения прав человека, открытости общества. Этот тезис вошел составной частью в Заключительный акт Хельсинкского совещания, но слова здесь расходятся с делом, в особенности в СССР и странах Восточной Европы»¹⁴². Так же был арестован о. Дмитрий Дудко.

ДУДКО Дмитрий

1922 г. рождения. В 1944—1945 г. воевал. В 1945 г., демобилизовавшись по болезни, поступил в Московскую духовную семинарию. В 1947 г. переведен в Московскую духовную академию. В 1947 г. арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (хранил религиозные стихи). Осужден сроком

на 10 лет, в лагере осужден повторно. Освобожден в 1956 г. В 1960 г. окончил Духовную академию и рукоположен в сан священника. С 1962 г. служил в Никольской церкви в Москве. Стал духовным отцом большого количества столичных интеллигентов, начавших в это время свою религиозную жизнь.

В 1972 г. уволен из прихода, о чем сообщил на проповеди. Заступничество прихожан заставило церковные власти отказаться от увольнения популярного священника. Позднее несколько раз переводился из прихода в приход — все дальше от Москвы. В 1973 г. организовал религиозно-философский кружок, затрагивающий и общественные темы. В кружке принимали участие как православные, так и верующие в соответствии с другими концепциями и конфессиями. В 1975 г. при неясных обстоятельствах был ранен в автомобильной катастрофе.

В 1978 г. стал выпускать приходской листок «В свете Преображения».

15 января 1980 г. Дудко был арестован.

Автор религиозных трудов и сборников поэзии¹⁴³.

«Когда произошел его арест, каждое воскресенье в каком-нибудь храме Москвы собирались все его духовные дети и молились за него, — вспоминает В.Аксюциц. — Это была своего рода тоже демонстрация. Там было полно кэзэбэшников, полно милицейских машин и прочего, которые ждали и провоцировали на какое-нибудь деяние, чтобы можно было вцепиться. Мы все вели себя очень толерантно. Потом стали арестовывать людей из его окружения. В частности, арестовали несколько человек, которые занимались религиозным самиздатом, потому что это было поставлено у них на коммерческую основу. Это шло уже довольно-таки большим тиражом»¹⁴⁴.

20 июня Дудко выступил по телевидению с покаянием, в котором признавал, что «арестован не за веру в Бога, а за преступление». Осудив свою прежнюю общественную активность, Дудко заявлял: «Я отказываюсь от того, что я делал, расцениваю свою так называемую борьбу с безбожием как борьбу с советской властью» и призвал своих единомышленников к сотрудничеству «со своей властью и со своим народом, которые нам даны Богом». Было опубликовано также письмо Дудко к Патриарху, в котором утверждалось: «Я пытался поучать Вас, что Вы идете не тем путем, каким нужно идти. Но Вы идете тем путем, потому что этим путем прошли и Ваши предшественники». 21 июня Дудко был освобожден из заключения. Уже 27 июня Дудко выступил с заявлением, в котором раскаивался в содеянном 20 июня. В приходском листке он разобрал текст своего заявления, показывая его подтекст, намеки на то, что заявление сделано по принуждению. Но эффект от покаяния все равно был велик, и отец Дмитрий оказался в изоляции. Только в марте 1981 г. против него было прекращено уголовное дело¹⁴⁵.

В заявлении Дудко не было отречения от веры (это и не требовалось). Он осудил (и тем самым отчасти деморализовал) религиозно-политическое оппозиционное движение. Много лет спустя Д.Дудко говорил: «Человек бездуховный, безнравственный может даже очень малое средство борьбы обратить в большое зло. Поэтому, как говорит писание, “Все мне дозволено,

но ничто не должно обладать мной”, то есть ничто не должно оправдывать дурное, не должно быть выше совести.

Если по этому принципу будет человек жить, то всегда найдет, что и как ему делать. И тогда, допусти он даже ошибку — она как раз окажется полезна и для него самого, и для тех, в отношении кого он ее допустил¹⁴⁶. Комментируя поступок священника, исследовательница религиозного оппозиционного движения Д.Эллис писала: «Не слабость и страх были причиной покаяния Дудко, а решение обрести свободу ценой даже своей личной репутации для того, чтобы служить священником и проповедывать погибающим»¹⁴⁷.

«Тут же многие самые близкие ему люди его резко осудили, тут же все западные средства массовой информации: “Голос Америки”, Би-Би-Си, “Свобода” и все пр., его, соответственно, стали обливать грязью: все, предатель и прочее. Я написал две статьи, они были опубликованы на Западе, — рассказывает В.Аксюцич¹⁴⁸. — Суть сводилась к тому, что я считал, что его, условно говоря, опоили. Тогда очень мощно работали со всякого рода транквилизаторами. Когда я с ним встречался, он рассказывал очень интересные подробности. Он говорил, что никогда себя не чувствовал так плохо, ни до тюрьмы, ни после тюрьмы, в один определенный момент. Вдруг возникла безысходная апатия, уныние, паника. И я просто сделал вывод, что ему подавили психику и волю, а потом в определенный момент стали с ним играть в очень сложную игру, патриотическую, кстати говоря. Со мной ведь тоже в эту игру играли. Мне следовательно говорил: “Мы же с вами православные. Только вы православные верующие, а мы православные атеисты. Но мы с вами православные, мы родились в православной стране. Мы должны быть вместе. А против нас католицизм, протестантство, секты, весь мир, ЦРУ и т.д.” Вот и с ним стали играть в эту игру и в какой-то момент его сломали. Когда он вернулся, он прозрел и отказался от многого, но это уже никто не слышал, потому что его все клеймили. А он стал продолжать делать то, чем он занимался, но в условиях уже совершенно беспощадных, когда его уже никто не защищал. Собрания теперь уже проходили по квартирам.

Одно из них было в Чертаново. Когда все собрались, туда ворвалась команда КГБ. Там было то же самое, примерно, что на допросах и обысках. Мы все сгруппировались, не давая никаких оснований для провокаций, стали вести себя очень твердо духовно. Кончилось дело тем, что мы потребовали составления акта, в котором было зафиксировано помимо всего прочего, что один из ворвавшихся милиционеров был пьян. На что они с нами спорили, и мы согласились на компромиссную формулировку, что он не пьян, а “немножко выпивший”. Ворвавшиеся ушли просто как побитые псы, ничего не сделав. Не сговариваясь, все вели себя совершенно синхронно. Действия кгебешников превратились в какой-то фарс. Мы просто стали издеваться над ними. Они взяли с собой участкового, а участковый, судя по всему, для храбрости рюмку хлопнул. И кзгэбэшник стал его защищать: ну ребята, он же не пьяный, он чуть выпивший. Ну, так и напишут, что при исполнении служебных обязанностей чуть выпивший.

Он постоянно “громился”, постоянно все его собрания проходили под прессингом, все время там было от 3 до 5 машин милицейских, у каждого проверяли документы при входе в подъезд. Дудко вел себя очень достойно во всех этих ситуациях, недостойно вела себя, к сожалению, диссидентская Среда»¹⁴⁹.

Дело Дудко имело несколько меньший международный резонанс, чем дело Сахарова, но заставило потрудиться высших церковных иерархов, которым пришлось отвечать на неудобные вопросы за границей. Архиепископ Волоколамский Петирич заявил в Стокгольме, что по его личному опыту общения с о.Дмитрием, от того можно ожидать нарушения законов. Архиепископ считал положение церкви стабильным, а аресты священников — исключениями. Таллинский митрополит Алексей заявлял, что Патриархии не известны причины ареста Дудко, и что «в Советском Союзе граждан никогда не арестовывают за их религиозные или идеологические убеждения»¹⁵⁰. Разъяснения православных иерархов звучали неубедительно для западной общественности. Против репрессий выступил даже глава Православной церкви в Америке о.Феодосий¹⁵¹. Но нельзя не признать, что слова иерархов соответствовали фактической стороне дела — преследований только за принадлежность к православной вере и участие в деятельности Православной церкви при Брежневе и Андропове почти не было. Для ареста нужно было перейти грань, молчаливо предусмотренную «конкордатом»: активно привлекать неофитов, ставить вопросы общественной жизни, контактировать с оппозицией. Дудко, действительно отличавшийся некоторой импульсивностью (что подтверждает его поведение и после ареста), активно участвовал в подобной общественной активности. Руководители церкви ее не одобряли. Оппонент, оказавшись за решеткой, «признал» правоту их позиции. Вмешательство власти, как и много веков назад, оказывалось гирей на весах церковных споров...

По данным Л.Алексеевой, в 1979—1981 гг. в Москве было арестовано 34 человека, а всего — около 500 человек¹⁵². По данным КГБ, только в 1980 г. он арестовал 433 человека¹⁵³. Даже если данные диссидентов не полны, видно, что удар 1980 г. был наиболее мощным за все время наступления властей. Этого хватило, чтобы фактически прекратить активность Инициативной группы защиты прав человека, Христианского комитета, Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, журнала «Поиски». Подверглись разгрому Христианские комитет и семинар. Угроза ареста нависла даже над умеренными христианскими проповедниками. Были арестованы ключевые фигуры незарегистрированных церквей и национальных групп. Затем волной пошли процессы. В 1980 г. по статьям 70 и 190-прим было осуждено 102 человека, в 1981 г. — 127 человек. Для сравнения — в 1976 г. было осуждено 60 человек (причем по более строгой 70-й статье — только 5), а в 1979 г. — 69 человек (по 70-й — 4). Таким образом, наиболее суровые «брежневские» гонения не достигли уровня наиболее «спокойных» лет «хрущевской оттепели». В 1960 г. было посажено 162 политических (это — минимум), а в 1957 г. — 1964 человека¹⁵⁴. Но удара 1980—1981 г. хватило, чтобы дезорганизовать диссидентскую инфраструктуру. Это обстоятельство, как мы

видели, не помешало массовым выступлениям грузинского и осетинского населения. Зато заместитель председателя КГБ С.Цвигун мог доложить стране о том, что «маскировавшиеся под “правозащитников” и “поборников демократии” антиобщественные элементы ныне разоблачены и обезврежены»¹⁵⁵. Возникал вопрос — почему КГБ не могло сделать этого раньше. Не хотело? Не получило санкции.

После первых ударов 1980—1981 гг. наступление не прекращалось. В 1982 г. КГБ разгромило группу, выпускавшую журнал «Левый поворот». По утверждению Б.Кагарлицкого, одним из источников информации о группе стало сообщение А.Караулова, в будущем — известного тележурналиста¹⁵⁶ (сам Караулов отрицает это). В апреле 1982 г. были арестованы «молодые социалисты» Б.Кагарлицкий, П.Кудюкин, А.Фадин, Ю.Хавкин, В.Чернецкий, А.Шилков, а позже — М.Ривкин. В донесении Федорчука Андропову (формально уже не руководившему КГБ) говорилось, что арестованные «предпринимали меры к созданию в стране организованного антисоветского подполья в виде т.н. “Федерации демократических сил социалистической ориентации” для активной борьбы с Советской властью, утверждая при этом в одном из “теоретических” документов, что *“...коммунизм советского образца — преступление против человека и человечества, а СССР — нравственный застенек миллионов”*... Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданнику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой, Скороходову различную антисоветскую литературу для ознакомления»¹⁵⁷.

Связь «молодых социалистов» с научной интеллигенцией, которая в свою очередь имела «выходы» на придворных либералов, могла расцениваться КГБ как поощрение последними создания «подрывной» организации по образцу польского КОС-КОРА.

По мнению А.Фадына, раздувание дела было связано с борьбой за власть в Кремле: «В поле действия проекта попадали интеллектуалы из ЦК и обслуживающего партию академического мира. Ставилась цель нанести удар по либеральному лобби в лице академиков Арбатова, Примакова, директора нашего института Иноземцева. (Иноземцев умер после разноса, который устроил ему Гришин)»¹⁵⁸. Подобная версия представляется слабо обоснованной. Академическое лобби не препятствовало продвижению Андропова к власти, скорее наоборот. Аресты «молодых социалистов» играли скорее «дисциплинирующую» роль для статусной интеллигенции.

Работу КГБ облегчала неопытность «молодых социалистов». Б.Кагарлицкий, А.Фадин и П.Кудюкин во время допросов сообщили сведения, которые позднее были использованы судом для «изобличения» М.Ривкина.

Суд над «молодыми социалистами» был назначен на 12 февраля 1983 года, но отменен (в значительной степени в связи с заступничеством зарубежных компартий). По мнению А.Фадына, «Андропов... не хотел начинать царствование с громкого процесса»¹⁵⁹. Б.Кагарлицкий, А.Фадин и П.Кудюкин и др. были освобождены в соответствии с Указом о помиловании в конце апреля 1983 года, после того, как подписали заявление об отка-

зе от продолжения «антисоветской» деятельности. Решение о помиловании до суда было вынесено Президиумом ВС СССР (во главе с Ю.Андроповым) — уникальный случай в советской юридической практике. Не подписавший заявление М.Ривкин был в июне 1983 года осужден (7 лет лагерей и 5 лет ссылки). Вызванные на суд над Ривкиным в качестве свидетелей «молодые социалисты» как правило не давали показаний, способных изобличить подсудимого. Но показания, данные во время следствия, были использованы для его осуждения. Эти события наложили тяжелый отпечаток на отношения их участников. Кагарлицкий обвинял в происшедшем Фадина и Кудюкина. Ривкин, освобожденный в 1987 г., перед отъездом в Израиль в 1989 г. выступил с резкими обвинениями против Кагарлицкого, Фадина и Кудюкина, но затем нормализовал отношения с двумя последними. Кагарлицкий отрицает справедливость обвинений Ривкина и утверждает, что вообще не знал его до ареста. Ривкин считает, что именно показания Кагарлицкого позволили суду доказать его авторство в одном из нелегальных текстов, подписанных псевдонимом. «Дело Ривкина» неоднократно использовалось политическими противниками Кагарлицкого, Фадина и Кудюкина для их дискредитации. Поскольку участники событий продолжали активно участвовать в общественной жизни, их конфликт влиял на развитие общественного движения во второй половине 80-х гг.¹⁶⁰

В 1982 г. прекратила деятельность Московская хельсинкская группа. В апреле 1983 г. был арестован и распорядитель солженицынского Русского общественного Фонда помощи политзаключенным СССР и их семьям С.Ходорович. Информационная сеть «Хроники текущих событий» была разрушена после ареста Ю.Шихановича в ноябре 1983 г. Зная, выпавшее из рук издателей «Хроники», попытался подхватить С.Григорьянц, начавший издание бюллетеня «В» — своего рода приложения к «Хронике текущих событий».

ГРИГОРЬЯНЦ Сергей Иванович

1941 года рождения. В 1958—1959 годах работал лаборантом Киевского политехнического института. В 1960 году поступил на радиофакультет Рижского училища инженеров гражданской авиации, но в 1962 году бросил учебу в нем. В 1963—1968 годах учился на факультете журналистики МГУ, откуда был исключен «за профессиональную непригодность», несмотря на то, что к тому времени уже поработал заведующим отделом критики в журнале «Юность» (1965—1966 годы).

Профессиональный литературовед, автор около 100 статей в «Литературной энциклопедии» и в различных журналах, передач на радио, а также неопубликованной книги о Грибоедове. Специализировался по литературе русского зарубежья, а также советской литературе 1920-х годов. Публикуется с 20 лет.

Поддерживал знакомство с участниками диссидентского движения А.Синявским, Н.Горбаневской, А.Белинковым и другими. После исключения из университета вернулся в Киев, продолжал заниматься литературоведением, сотрудничал с радио, однако постоянной работы не имел.

В 1973 году переехал в Москву и, хотя общественной активности не проявлял, в 1975 году был арестован и осужден на 5 лет лагерей усиленного режима фактически за отказ от написания «разоблачительной» статьи о писателях-эмигрантах, а официально — по статье 190—1 (клевета на советский общественный и государственный строй) и статье 154 часть 2 («спекуляция» — в семье Григорьянца еще с середины XIX века собирались коллекции живописи, и он сам обладает крупной коллекцией).

Три с половиной года из своего пятилетнего срока провел на тюремном режиме. За 15 месяцев заключения во Верхнеуральской тюрьме 170 дней провел в карцере.

После освобождения в 1980 году поселился в г.Боровске Калужской области. Работал оператором газовой котельной. С осени 1982 до февраля 1983 года был редактором самиздатского информационного бюллетеня «В», содержавшего оперативные материалы о нарушении прав человека в СССР. Ему удалось наладить регулярный выпуск бюллетеня (раз в десять дней) и резко повысить качественный уровень издания.

25 февраля 1983 года был снова арестован и 26 октября 1983 года приговорен Калужским областным судом к 7 годам лагерей строгого режима (с отбытием первых двух лет в тюрьме) и 3 годам ссылки по статье 70 (антисоветская пропаганда) УК РСФСР. На суде заявил, что после освобождения вновь будет заниматься правозащитной журналистикой.

Впоследствии — издатель журнала «Гласность»¹⁶¹.

В 1983 г. после ареста С.Григорьянца издание бюллетеня «В» было прекращено. К.Любарский продолжал выпускать в эмиграции «Вести из СССР», но «тамиздатский» характер «Вестей» делал их менее эффективными. Оставшиеся в стране диссиденты перешли к распространению анонимных материалов¹⁶².

В 1983 г. по политическим статьям было осуждено 163 человека¹⁶³. К 1984 г. в СССР впервые с 1968 г. вне коллечей проволоки почти не осталось открыто действующих диссидентов. Те известные властям инакомыслящие, которых оставили на свободе, находились под фактическим домашним арестом или круглосуточным наблюдением¹⁶⁴. Последним бастионом открытой оппозиции оставался академик А.Сахаров. Его социальный статус и всемирная известность не позволяли властям просто упрятать академика в тюрьму. Несмотря на разрушительные удары по оппозиции, академик не признавал поражения. В интервью ЮПИ Сахаров так отвечал на вопрос «Движение инакомыслящих в СССР дезорганизовано. Есть ли путь реорганизовать его?»: «Сила борьбы за права человека — не в организации, не в числе участников. Это сила моральная, сила безусловной правоты. Это движение не может исчезнуть бесследно. Уже сказанное слово живет, а новые люди со своими неповторимыми судьбами и сердцами вносят все новое и новое»¹⁶⁵.

Несмотря на то, что с 1980 г. Сахаров находился во внесудебной ссылке в Горьком, связь его с внешним миром не прерывалась. Для полной ликвидации открытой оппозиции Сахарова следовало изолировать и от народа, и

от Запада. В 1980 г. усилилось давление на невесту сына Боннэр А.Семенова Е.Алексееву — в мае ее «предупредили» о недопустимости посещений Горького. Боннэр и Сахаров добивались ее выезда из СССР для соединения с женихом. Когда А.Семенов уезжал в США в 1978 г., Сахаров обещал ему, что добьется и выезда любимой девушки. Но КГБ решило не выпускать ее «просто так». «Фактор Алексеевой» позволял «давить» на Сахарова¹⁶⁶. В письме к Брежневу 26 мая 1981 г. Сахаров писал о том, что «недостойным является использование КГБ судьбы моей невестки для мести и давления на меня»¹⁶⁷. 22 ноября Сахаров и Боннэр объявили голодовку с требованием разрешить выезд из страны Е.Алексеевой. Голодовка вызвала резко отрицательную реакцию значительной части диссидентов (Р.Пименова, П.Григоренко, Л.Чуковской, Ф.Красавина и др.). Диссиденты выступали даже не столько против самого метода, сколько против «незначительности цели», которую ставил Сахаров. Академик характеризовал призывы своих товарищей «ради общего пожертвовать частным» как «тоталитарное мышление»¹⁶⁸. Эти события показали, насколько среда оппозиции может быть жестока в кризисных ситуациях. Сахаров вспоминает, что «многие наши друзья-диссиденты направили свой натиск на Лизу (Е.Алексееву — *А.Ш.*) — и до начала голодовки, и даже когда мы ее уже начали, заперев двери в буквальном и переносном смысле. Лиза, якобы, ДОЛЖНА предотвратить или (потом) остановить голодовку, ведущуюся “ради нее”! Это давление на Лизу было крайне жестоким и крайне несправедливым»¹⁶⁹. Моральная изоляция в этих условиях была настоящей пыткой, и осуществлявшие этот бойкот оппозиционеры не могли этого не знать. В сущности в этом конфликте Сахаров оказался много последовательнее своих товарищей по движению. Для него голодовка была «продолжением моей борьбы за права человека, за право свободы выбора страны проживания...»¹⁷⁰. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в данном случае был реальный шанс одержать победу, что в тяжелых условиях 1981 г. было крайне важно. И Сахаров победил.

Либерально настроенные ученые объясняли руководству Академии наук, что гибель Сахарова в процессе голодовки вызовет грандиозный скандал, в центре которого окажется АН. Это будет означать долгосрочный разрыв научных связей, прекращение зарубежных командировок для одних и унижения для других. По воспоминаниям Е.Фейнберга, на А.Александрова «давили не только те, кто опасался лишь разрыва научных связей, но и те, кому Андрей Дмитриевич был дорог как уникальная личность, просто как человек, вызывавший любовь и восхищение. Иногда слова о возможном разрыве связей были лишь “рациональным прикрытием” для более личных чувств. Я не знаю точно, как оно произошло, но Анатолий Петрович в конце концов преодолел себя и совершил этот поступок — поехал к Брежневу, который решил вопрос: “Пусть уезжает”»¹⁷¹. 8 декабря президент АН А.Александров лично позвонил Алексеевой, сообщив ей, что вопрос будет решен положительно. Голодовка продолжалась до 9 декабря. По меткому наблюдению Л.Литинского, Сахаров и Боннэр «проскочили на грани» — 13 декабря, с введением военного положения в Польше отношения между

СССР и США резко ухудшились, и мотивы для уступок диссидентам были утеряны¹⁷². Но уже 19 декабря Е.Алексеева вылетела в Париж.

Система массовой информации (дезинформации) продолжала свое наступление на Сахарова. Главным полем боя оставалось взаимодействие Сахарова с международной общественностью. Здесь академик был подлинно опасен — на Западе к его голосу прислушивались. В феврале 1983 г. Сахаров написал статью «Опасность термоядерной войны», в которой доказывал, что Запад отстал от СССР в гонке вооружений. «Восстановление стратегического равновесия, — писал Сахаров, — возможно только при вложении крупных средств, при существенном изменении психологической обстановки в странах Запада...

Я понимаю, конечно, что пытаюсь ни в чем не отставать от потенциального противника, мы обрекаем себя на гонку вооружений — трагичную в мире, где столь много жизненных, не терпящих отлагательства проблем. Но самая главная опасность — сползти к всеобщей термоядерной войне. Если вероятность такого исхода можно уменьшить ценой еще десяти или пятнадцати лет гонки вооружений — быть может, эту цену придется заплатить...»¹⁷³ Здесь академик воспринимает себя как органическую часть западного мира, советуя «своей стороне» усиливать давление на «потенциального противника». Как мы видели, этот совет был принят, причем еще раньше, чем прозвучал.

Доказывая бессмысленность ядерной войны, Сахаров, кстати, обратил внимание на опасность «звездных войн», способных разрушить озоновый слой. Но главное внимание «советской общественности» было обращено на слова академика об оправданности развертывания американских ракет.

Реакция не заставила себя ждать. 3 июля в «Известиях» вышла статья академиков А.Дородницына, А.Прохорова, Г.Скрябина и А.Тихонова «Когда теряют честь и совесть», в которой они писали: «Сахаров призывает США, Запад ни при каких обстоятельствах не соглашаться с какими-либо ограничениями в гонке вооружений, ядерных в первую очередь». Отгалкиваясь от мнения академика о возможном продолжении гонки вооружений еще 10—15 лет, его коллеги заявляли: «Сегодня Сахаров, по существу, призывает использовать чудовищную мощь ядерного оружия, чтобы вновь припугнуть советский народ, заставить нашу страну капитулировать перед американским ультиматумом». Предвосхищая лозунги более позднего времени, академики обращаются к общечеловеческим ценностям: «В его действиях мы усматриваем также нарушение общечеловеческих норм гуманности и порядочности, обязательных, казалось бы, для каждого цивилизованного человека». С нотками недовольства академики пишут и о терпимости советского народа к Сахарову — живет себе спокойно в Горьком, не то что в Америке, где когда-то казнили Розенбергов¹⁷⁴.

В 1983 г. вышла книга Н.Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой на чету Сахарова и Боннэр обрушивались потоки клеветы самого низкопробного содержания. Расчет был сделан на низменные инстинкты читателей. В апреле 1983 г. в журнале «Смена» Н.Яковлев развил свои откровения по поводу морального облика Е.Боннэр: «В молодости распущенная девица

достигла почти профессионализма в соблазнении и последующем обирании... пожилых и, следовательно, с положением, мужчин»¹⁷⁵. Боннэр обвинялась в том, что она стала главным проводником усилий «провокаторов», которые толкают «этого душевно неуравновешенного человека на поступки, которые противоречат облику Сахарова-ученого»¹⁷⁶.

Это были не просто слова. «Очень многое — и в особенности писания Яковлева... — считал Сахаров, — говорят о том, что власти (КГБ) собираются изобразить в будущем всю мою общественную деятельность случайным заблуждением, вызванным посторонним влиянием, а именно влиянием Люси — корыстолюбивой, порочной женщины, преступницы-еврейки, фактически — агента международного сионизма. Меня же вновь надо сделать видным советским (русским — это существенно) ученым, и эксплуатировать мое имя на потребу задач идеологической войны»¹⁷⁷.

Атакой на Боннэр власти пытались «убить двух зайцев» — скомпрометировать дело академика и «вывести из строя» его супругу — человека большого физически, но представлявшего собой единственную постоянную связь Сахарова с внешним миром. В сентябре 1983 г. Боннэр попыталась привлечь Яковлева к суду за клевету, но как только расследование выявило первые несоответствия в данных Яковлева, дело «прикрыли». В целом книга «ЦРУ против СССР» и газета «Смена» сделали свое дело — большая часть читателей, даже настроенных критически, поверила, что пусть не все здесь правда, «но что-то такое должно быть». Сахаров, правда, получил чудесную возможность ответить Яковлеву.

14 июля Яковлев пришел к Сахарову, чтобы взять у него интервью. Академик, немало удивившись такой наглости, все же провел с визитером длительную беседу, в которой указывал автору «ЦРУ против СССР» на ложность приводимых им сведений. «Я часто употреблял в разговоре умышленно-оскорбительные выражения, но Яковлев никак на это не реагировал, преследуя какую-то свою цель... Яковлев: “Я беспартийный историк”. Я: “Какое это имеет значение? Среди членов партии бывают иногда люди идейные, заслуживающие уважения, а что вы? А что, если в своей истории вы также лживы?” Яковлев: “Вы можете подать на меня в суд. У меня есть свидетели, данные прокуратуры, суд разберется”. Я говорю: “Я не верю в объективность суда в данном деле — я просто дам вам пощечину”. Говоря это, я быстро обошел вокруг стола, он вскочил и успел, защищаясь, протянуть руку и пригнуться, закрыв щеку, и тем самым парировал первый удар, но я все же вторым ударом левой руки (чего он не ждал) достал пальцами до его пухлой щеки»¹⁷⁸. После этого пострадавший гордо удалился со словами «А еще интеллигент!»¹⁷⁹. Учитывая, что для Сахарова это было второе деяние подобного рода в жизни, оно вряд ли смотрелось очень эффектно, но все же было расценено как достаточная сатисфакция. Сам Сахаров с удовольствием вспоминал об этом случае. «Но я слышал от самого Андрея Дмитриевича, что он ему оплеуху дал. С каким же удовольствием этот интеллигент, этот человек, который совершенно не способен на грубое слово, рассказал, как он съездил Яковлева по физиономии. Было просто радостно

слушать и видеть. Это, по-моему, он считает своим главным подвигом в жизни, мужским»¹⁸⁰, — вспоминал А.Адамович.

Но времена рыцарского поведения прошли. В 1984 г. в руки КГБ попал еще один козырь. Здоровье Боннэр ухудшилось настолько, что ей требовалось срочное и серьезное лечение. Доверия советской медицине у горьковских узников не было. Сахаров попросил американского посла принять жену в американском посольстве, чтобы добиться ее выезда для лечения в США. Но 2 мая Боннэр была арестована в аэропорту Горького, против нее возбудили уголовное дело. Тогда Сахаров начал голодовку. Эта акция также вызвала споры в либеральной среде. Повод казался еще менее значительным, чем в случае с Алексеевой, поскольку Боннэр могла оперироваться и в СССР. Опасения Сахарова казались надуманными. Е.Фейнберг оценивает ситуацию иначе: «Обожаемая жена, здоровье которой находится в критическом состоянии — достаточная причина. Готовность поставить свою жизнь “на карту” может вызвать горькое чувство и даже осуждение у других, но тогда нужно осуждать и Пушкина, который прекрасно понимал, что он значит для России, и тем не менее погиб, защищая свою честь и честь своей жены...»¹⁸¹

6 мая всякое его сообщение с внешним миром прекратилось. Его смерть могла вызвать нежелательный резонанс. Уже через неделю академика начали насильно кормить. Эта процедура была мучительной и унижительной. По воспоминаниям Б.Альтшулера, «как-то уже в Москве он сказал Михаилу Левину: “Ты знаешь, в больнице я понял, что испытывали рабы Древнего Рима, когда их распинали”»¹⁸². Одновременно был снят фильм о том, как замечательно Сахаров живет в Горьком. Лидер разгромленного диссидентского движения был изолирован, поставлен перед угрозой потери жены и не мог даже умереть по собственной воле. Начинаясь период поражений, тяжелей разочарований, «нормализация человека идейного».

19 мая с личной конфиденциальной просьбой разрешить Боннэр выехать за границу обратился к Черненко Рейган. В ответе американцам говорилось: «Эта дама и ее сообщники умышленно драматизируют ситуацию в антисоветских целях. Что касается действительного состояния ее здоровья, то она переживет многих современников. Об этом свидетельствует авторитетное заключение квалифицированных врачей»¹⁸³. Этот прогноз оказался верен. С поправкой на то, что «даме» все же была сделана качественная операция за границей.

10 августа 1984 г. Боннэр была приговорена к ссылке в Горьком и потеряла возможность покидать город. Клетка захлопнулась — Сахаров был надежно изолирован. 8 сентября он вышел из больницы, прекратив голодовку. Еще месяц он пребывал в глубокой депрессии¹⁸⁴. В письме к А.Александрову от 10 ноября 1984 г. Сахаров писал, что переживает «самый трагический момент в своей жизни», просил помочь в выезде жены для лечения, утверждал, что ее поездка не имеет политических целей (здесь он ошибался). Если его просьба не будет удовлетворена до 1 марта 1985 г., Сахаров заявлял о выходе из АН (потом он перенес этот срок на 10 мая, а после избрания Генсеком Горбачева — отказался от этого намерения)¹⁸⁵.

Но и в этих условиях Сахаров представлял для властей постоянную проблему — прежде всего внешнеполитического плана. Во время визита в Москву президента Франции Ф.Миттерана он на торжественном обеде в Кремле поднял тост за Сахарова, напомнив гостям, что очень многое в отношениях с Западом зависит от положения академика.

Последним каналом «на волю» для Сахарова оставались коллеги, изредка приезжавшие для научных бесед. Но они не участвовали в оппозиционном движении, хотя и были настроены фрондерски. В 1990 г. Е.Боннэр утверждала, что «третьей голодовки Андрея Дмитриевича (1985 г.) могло не быть, если б его коллеги нашли в себе силы выполнить его прямую просьбу... Но и в Москве, и в “заграницах” коллеги молчали как партизаны»¹⁸⁶. Речь идет о просьбе А.Сахарова В. Гинзбургу способствовать «активным коллективным действиям группы академиков и членов-корреспондентов в поддержку моей просьбы». «Вот уж поистине аберрация, свойственная, очевидно, и великим людям»¹⁸⁷, — комментирует Гинзбург. Академики вовсе не собирались поддерживать столь очевидно личную просьбу Сахарова о выезде его жены. У них не было недоверия к советской номенклатурной медицине, да и охоты из-за «мелочи» конфликтовать с властью. Особенно в условиях начинающихся перемен. Это же касается и зарубежной академической общественности. К тому же Сахаров попытался передать с коллегами нелегальные материалы, что вызвало их возмущение¹⁸⁸. Академические ученые не собирались играть в подпольщиков, действующих в тылу собственной страны.

Убеждая Президента АН Александрова в необходимости разрешить выезд Боннэр, Сахаров писал: «Я хочу и надеюсь прекратить свои общественные выступления. Я готов к пожизненной ссылке. Но гибель моей жены (неизбежная, если ей не разрешат поездку) будет и моей собственной гибелью»¹⁸⁹.

Накануне прихода к власти Горбачева режим был как никогда близок к политической монополии. Но заверения Сахарова не помогли.

16 апреля 1985 г., после того, как здоровье жены снова стало ухудшаться, Сахаров начал новую голодовку. 21 апреля он был принудительно госпитализирован и снова подвергнут насильственным кормлениям, разрушавшим внутренние органы. Все это проходило под аккомпанимент апрельского пленума ЦК КПСС. Голодовка продолжалась с двухнедельным перерывом до 23 октября. Интересно, что именно в это время изоляция Сахарова достигла максимума. По словам Б.Альтшуллера, «никто не знал, что происходит в Горьком»¹⁹⁰. С этим последним всплеском локального тоталитаризма при Горбачеве во многом связано скептическое отношение к дальнейшим переменам со стороны диссидентов. В июле ООН официально объявил Сахарова пропавшим без вести.

Для облегчения этого положения требовалась серьезная заинтересованность высшего руководства СССР в улучшении этих отношений. Исход схватки Сахарова с режимом уже зависел от изменений в недрах самого режима, в том числе его внешней политики. Эскалация конфликта с академиком подрывала остатки престижа СССР в самый непоходящий момент —

Горбачев готовился к «прорубанию окна в Европу». В сентябре Сахаров был проинформирован, что с его письмом о критическом положении, в котором он находится, ознакомился Горбачев.

При обсуждении вопроса о выезде Боннэр на Политбюро победила точка зрения Н.Рыжкова: «Я за то, чтобы отпустить Боннэр за границу. Это гуманный шаг. Если она там останется, то, конечно, будет шум. Но у нас появится возможность влияния на Сахарова»¹⁹¹. Но выезд решили обусловить поведением Сахарова и Боннэр уже при Горбачеве. В конце октября Боннэр было разрешено выехать в США для лечения, и 25 ноября она уехала из Горького. Как и следовало ожидать, ее поездка превратилась в агитационный тур. Заверения Сахарова не оправдались.

Горбачев вернулся из Женевы. Критический период в жизни Сахарова, значительно укоротивший эту жизнь, завершился.

Наступление властей вызвало в диссидентском движении тяжелый кризис, граничащий с гибелью. Дело было даже не в физическом разрушении оппозиционных структур, а в безысходности, возникшей в связи с позицией властей. Л.Алексеева писала об этой проблеме: «Поскольку мирным путем, единственно признаваемым правозащитниками, эти проблемы можно решить только в сотрудничестве с властями, их отказ от диалога вызвал в начале 80-х гг. кризис правозащитного движения, усугубившийся из-за резкого усиления репрессий — активность его снизилась, число участников, возможно, уменьшилось. Однако это не кризис цели, которая не обесценена в глазах участников движения и далеко за его пределами, и не кризис методов»¹⁹². Цель, конечно, не потеряла свою привлекательность, что нельзя сказать о методах. Кризис методов диссидентского движения привел к его постепенному угасанию даже тогда, когда возможности для легальной деятельности стали расширяться во второй половине 80-х гг. Новые методы отработывались другой волной общественного движения — «неформалами». В поисках выхода диссиденты вглядывались в существующие неформальные движения, «разрозненные и влекущиеся друг к другу приватные “культурнические” инициативы», «наивные, порою даже раздражающие своим желанием сделать “наыворот”», но несущие в себе стремление изнутри преодолеть блокаду», и мечтали о новом «хождении в народ» (М.Гефтер)¹⁹³. Кризис диссидентского движения мог быть преодолен только на этом направлении — переход к неформальным методам работы и осторожное сближение с неформальным движением. Но дальше разговоров дело не пошло. И это не случайно — диссиденты слишком далеко оторвались от «советского человека», которым был и «неформал». Этот отрыв начинал осознаваться и участниками движения. По мнению В.Прибыловского, значительная часть «самиздата» и «тамиздата» — это диссидентские издания «для диссидентов» либо слишком теоретические журналы¹⁹⁴. Это мешает инакомыслящим выйти за рамки собственной микросреды.

Кризис диссидентского движения имел и стадийно-психологическую составляющую. Большинство его членов исчерпали потенциал «идейной» стадии своего развития, жизнь учила их быть прагматиками. Поскольку базовые индивидуально-психологические черты диссидентов гармонирова-

ли именно с «идейной» стадией, «прагматический» период вызывал разочарования, депрессию, ощущение сильнейшей усталости. Отход от общественной деятельности в этом случае — типичное решение. Люди, слишком далеко оторвавшиеся от отечественной почвы, после освобождения предпочитали эмиграцию. Лишь немногие, в том числе А.Сахаров, С.Ковалев и другие «политические долгожители» современности, биографии которых приводятся в этой книге, были готовы продолжать борьбу в новых, революционных условиях. Их прагматизм оставался деятельным и предполагал поиск взаимопонимания и известного компромисса с меняющейся советской действительностью.

Участники диссидентского движения воспринимали его как объединяющий, структурообразующий стержень «общественности» СССР: «Нам кажется, что это движение в течение последних двух десятилетий занимало центральное положение среди других течений и было для них объединяющим...»¹⁹⁵ Это мнение очень далеко от действительности. Большинство участников «других течений» относились к диссидентам в лучшем случае индифферентно, а чаще настроено или враждебно. Конфронтационный стиль диссидентов отталкивал неформальное движение (экологическое, культурозащитное, педагогическое, значительную часть песенного), которое просто не смогло бы действовать, если было бы уличено в связи с оппозицией. И позднее радикализм диссидентов еще долго, вплоть до 1988—1989 г., будет встречать отторжение среди значительной части неформалов. Да и для большинства диссидентов неформалы были органической частью опостылевшей советской действительности. Однако в условиях кризиса оппозиции часть периферии диссидентского движения перешла к неформальным методам работы, предполагавшим возможность соглашения с властями. Одним из продуктов такого соглашения стал литературный «Клуб-81» в Ленинграде — одно из старейших неформальных объединений, позднее участвовавших в становлении гражданского общества во второй столице.

4 июня 1982 г. возникла «Группа за установление доверия между Востоком и Западом» или «Доверие», провозгласившая чисто пацифистские цели. Группа, имевшая «отказническое» происхождение, выступала за то же самое, за что официально ратовала КПСС. Под декларацией «Доверия» поставили подписи более 900 человек в Москве, Ленинграде, Риге, Нальчике, Таллине, Владимире. Вероятно, не все «подписанты» понимали, что связались с «диссидентщиной», но эффект массовой подписной кампании сыграл свою роль — группу разгонять не стали, и она дожила до Перестройки.

Часть новых участников движения, напротив, вернулась к подпольным формам работы. «Им просто неизвестно, что подпольные кружки были довольно широко распространены в СССР с середины 50-х годов и до середины 70-х и за 20-летие не оставили по себе никакого следа, что это — пройденный этап, не оправдавший себя»¹⁹⁶. Это заключение Л.Алексеевой не оправдалось. Сосредоточившись на удушении открытого диссидентского движения, КГБ упустило большую часть подпольщиков из виду — ведь они не провоцировали международный скандал и не имели пока значительной пе-

риферии. Но через подпольные кружки прошли многие участники общественного движения второй половины 80-х гг. Здесь они осмысливали окружающую их действительность, а иногда и приобретали первый политический опыт. В.Корсетов, участвовавший в движении самодетельной песни и заводских трудовых конфликтах, а позднее — в становлении неформального и кооперативного движения, вспоминал о кружках того времени: «В 1980—1984 гг. я участвовал в “сходках” остатков разбитой группы “Поиски” (С.Белановский, И.Вербицкий и др.). Заходили В.Найшуль и Г.Пельман. У них сохранилась огромная библиотека самиздата. Они научились конспирироваться и поэтому идейная работа в этой среде арестами не прерывалась. Эта группа придерживалась ориентации на “капиталистический путь развития”. Они оказывали юридическую помощь менее опытным группам, например — группе “молодых социалистов”, наделавших к этому времени уже множество ошибок. Организовывались семинары с участием интересных людей с Запада. Это было интересно как для нас, так и для них, поскольку мы пытались донести до них реальную картину нашей жизни. Участники семинаров действовали очень осторожно, и КГБ не вмешивалось. Эта была питательная среда, которая постепенно обростала людьми. Налаживались неформальные связи. После возвращения “молодых социалистов”, с 1984 г., начались семинары Кагарлицкого. Там появился М.Малютин. На всех этих семинарах главной темой была проблема альтернативы тому, что существует — капиталистическая, социалистическая. Рыночные модели в нашем сознании доминировали — мы приходили к выводу, что общество без перетоков капитала нежизнеспособно»¹⁹⁷.

Подобные же объединения, часто генетически вовсе не связанные с диссидентами, существовали и в других городах. Так, например, в Ленинградском инженерно-экономическом институте работал полулегальный экономический кружок, лидером которого был А.Чубайс.

В первой половине 80-х гг. в СССР действовали также десятки левацких кружков, о которых упоминалось выше. В период Перестройки они легализовались в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Куйбышеве, Перми и других городах. Другой типичный пример подпольной организации — кружок В.Новодворской—К.Пантуева, действовавший в 1983—1986 гг. Он, видимо, «отслеживался» КГБ более «плотно», так как имел постдиссидентское происхождение, и его лидер был властям хорошо известен. Но, несмотря на это (если верить В.Новодворской), «мы тиражировали Самиздат, развозили его по городам, раздавали по группам, раскидывая сеть все шире и шире. Нашли ксеристов, нам размножали наши нелегальные материалы за деньги, но недорого»¹⁹⁸.

Таким образом, фактический разгром старого диссидентского движения не означал исчезновения оппозиции как таковой. В конце 70-х — начале 80-х гг. стало возникать новое поколение инакомыслящих, генетически лишь отчасти связанное с предыдущим. Воздействие диссидентского движения на новое поколение оппозиции так же, как и на либеральные круги истеблишмента, было довольно велико. Но все же в обоих случаях оно не стало опре-

деляющим. Становление гражданского общества во второй половине 80-х гг. будет осуществляться неформальным движением, которое возникло параллельно с диссидентским и существовало иногда во взаимодействии с ним, а иногда вне всякой связи с открытой оппозицией.

Впрочем, оставалась и среда, порожденная старой генерацией, но все очевиднее приобретающая черты неформальности. Продолжал распространяться «самиздат» и «тамиздат» — люди не прекращали перепечатывать и давать друг другу оппозиционную литературу. Это не требовало специальной организации. Хаотическая циркуляция оппозиционных текстов ломала идеологические стереотипы читателей. Пока это происходило бессистемно, очень многое зависело от того, в какой последовательности литература проходила через руки (и сознание) человека. В обращении были работы авторов самых разных направлений. Все это жадно впитывалось теми, кто рисковал читать «диссидентщину», ломало то одни, то другие политические стереотипы и создавало новые.

В этом смысле показателен сборник самиздата, изготовленный В.Прибыловским в 1984 г. и циркулировавший в 1984—1987 гг. в кругах, близких к издателям журнала «Левый поворот». Он включал статью Прибыловского, посвященную марксистской критике «реального социализма», написанную с либеральных позиций, его же разбор журнала «Левый поворот», статью А.Солженицына «Жить не по лжи», открытое письмо Ф.Раскольникову Сталину, анализ советской экономики и социальной структуры В.Сокирко и В.Заславского, фрагменты книги А.Зиновьева, резко антикоммунистическую статью «Возможен ли коммунизм как экономическая система» и статью еврокоммуниста Р.Медведева. Материалы сборника поступили в оборот в 1979—1983 гг. и затем были скомпонованы В.Прибыловским¹⁹⁹. Чтение такого «салата» могло привести к каким угодно выводам, что, вероятно, и было целью автора — сторонника идейного плюрализма.

Наступление на диссидентов продолжалось до середины 1985 г. Еще в июне 1985 г. Политбюро решило провести серию административных задержаний (всего 25 человек) в преддверии Всемирного фестиваля молодежи, дабы ограничить контакты еще оставшихся диссидентов с иностранцами²⁰⁰. 19 марта был арестован Л.Тимофеев, публиковавший свои критические произведения за границей (фрагменты его дискуссий со следователем на допросе мы приводили выше).

ТИМОФЕЕВ Лев Михайлович

1936 года рождения. В 1953—1958 годах учился на коммерческом факультете Московского института внешней торговли. В 1958—1960 годах работал в представительствах объединения «Совфрахт» Министерства морского флота СССР в Новороссийске и Находке. В 1961 году — матросом на траулере.

В 1962 году был призван в армию в качестве офицера. Служил в Рязани.

С 1963 года занимается исключительно литературной деятельностью. Его произведения были опубликованы в различных периодических изданиях («Новый

мир», «Юность», «Литературная газета», «Молодой коммунист», «В мире книг» и других). Состоял в штате журнала «Молодой коммунист».

В 1973—1975 годах принимал косвенное участие в деятельности небольшой группы еврокоммунистически настроенных журналистов и публицистов «Соларис», которая была образована вокруг редакции «Молодого коммуниста» Леном Карпинским, Игорем Клямкиным и Владимиром Готовым. После раскрытия группы органами КГБ ее руководители были вынуждены уволиться из редакции «по собственному желанию». И хотя дело группы не повлияло непосредственно на положение Тимофеева в журнале, в 1977 году он был вынужден покинуть его в связи с обострением отношений внутри редакции.

В 1978—1980 годах работал в журнале «В мире книг». Уволился после первых публикаций его работ за рубежом. Зарабатывал на жизнь репетиторством.

В 1960—1970-х годах Тимофеев подолгу жил в деревне Желанное Рязанской области. Наблюдения за жизнью современного села легли в основу ряда его социально-экономических работ, распространявшихся в самиздате и изданных за рубежом под его собственным именем. Важнейшей из них являлось эссе «Технология черного рынка или крестьянское искусство голодать».

В 1980—1984 годах на Западе были опубликованы, кроме уже упомянутого эссе, следующие работы Тимофеева: «Ловушка. Роман в четырех письмах», «Последняя надежда выжить. Размышления о советской действительности», пьеса «Моление о чаше». Они неоднократно передавались радиовещательными станциями «Свобода», «Голос Америки».

19 марта 1985 года Тимофеев был арестован КГБ. В день ареста он заявил, что, не отрицая авторство вышеуказанных работ, отказывается принимать участие в следствии, поскольку не считает литературное творчество уголовно наказуемым деянием.

Приговорен 19 сентября 1985 года к 6 годам лагерей и 5 годам ссылки по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Заключение отбывал в политическом лагере в Пермской области.

Освобожден в начале февраля 1987 года. После освобождения был одним из инициаторов издания журнала «Гласность» и создания пресс-клуба «Гласность». В 1987—1990 гг. — редактор независимого журнала «Референдум» (вышло 38 номеров).

В 1988 году получил премию имени Владимира Даля за автобиографическую книгу «Я — особо опасный преступник». В 1989—1991 годах почти все его произведения были напечатаны советскими журналами.

В 1990—1991 годах — координатор Московской Хельсинкской группы (МХГ), член Исполкома Международной хельсинкской федерации. Член Московского Союза писателей, клуба столичной интеллигенции «Московская трибуна», член Совета представителей Движения «Демократическая Россия» (от «Московской трибуны»), член Российского ПЕН-клуба, редакционного совета журнала «Юность».

В 1992—1993 гг. вышли его книги «Зачем приходил Горбачев» и «Черный рынок как политическая система». В демократических изданиях публикует

статьи на социально-экономические темы. С начала 1993 года обозреватель газеты «Русская мысль».

Приговор по делу Тимофеева был вынесен 19 сентября 1985 г., через несколько месяцев после «перестроечного» пленума. И только через год после «перестроечного» съезда в СССР начнут амнистировать политических заключенных.

В условиях кризиса диссидентского движения в середине 80-х гг. социалистическая альтернатива коммунизму получила новый шанс на то, чтобы превратиться в доминанту оппозиционного движения. В.Прибыловский, например, считал, что социалистическая оппозиция имеет больше шансов на успех в нашей стране, так как реформы все равно первоначально будут проводиться в рамках официальной идеологии, да и население более податливо к социалистическим взглядам²⁰¹. Все оппозиционные кружки, как казалось, ничего не смогут добиться, если они не будут поддержаны массовым движением снизу. О нем мечтали, не верили в его возможность и все равно искали возможности поднять народ на штурм старого мира. Комментируя позицию журнала «Левый поворот», В.Прибыловский писал в 1982 г.: «В системе приоритетов редакции на первом плане такая примерно основополагающая идея: “Реформы сверху под давлением снизу”. Тезис неопровергаемый, хотя, по правде сказать, маловероятно, что он скоро станет социальной реальностью»²⁰². Реальность приближалась гораздо быстрее, чем об этом могли мечтать диссиденты. Ситуация, характерная для революций и революционеров. И все же наиболее дальновидные диссидентские авторы предсказывали неминуемые социальные катаклизмы в ближайшей перспективе: «Простое экстраполирование предсказывает кризисную точку где-то на рубеже 1990 г., — подводит В.Сокирко итог своему экономическому анализу, — с учетом непризнаваемой инфляции — в районе 1984 г., понимая под ней начало падения национального дохода, т.е. начало абсолютного обнищания»²⁰³. В результате В.Сокирко предсказывает «час Амальрика» — внешнеполитические авантюры (написано в ноябре 1979 г.) и социальный взрыв с гражданской войной — призрак, неоднократно возникавший потом в футурологических работах начиная с 1988 г. В результате — восстановление диктатуры, повторение процессов начала века в том же масштабе. «Да, круг замкнется, но через гибель — нашу и наших детей», — мрачно предсказывает Сокирко²⁰⁴. И все же, по мнению автора, шанс на спасение есть — в народной памяти, из которой еще не ушли ужасы сталинизма, в росте «разноверия» — общественного разномыслия, уважения к независимой от государства трудовой деятельности, в подчеркнутом легализме оппозиции, в постепенном осознании кризиса верхами (здесь автор ссылается на речь Брежнева в ноябре 1979, выдержанную в несколько более критических тонах, чем обычно). Сокирко считает, что такие факторы «исчезающе малы»²⁰⁵. История показала, что эти и другие, вероятно, — более глубинные факторы социальной стабилизации оказались сильнее, и общественная трансформация конца 80-х — начала 90-х гг. произошла без катастрофы, подобной первым десятилетиям XX в. Однако сам диагноз и перечисление

факторов выздоровления оказался довольно точным — особенно если учесть условия, в которых приходилось работать оппозиционным авторам.

Кризис стремительно приближался. Сама история предоставляла авторам «нетрадиционной социальной медицины» принять участие в лечении затянувшейся болезни.

Примечания

1. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч.
2. Волков П. Указ. соч.
3. Смирнов И. Время колокольчиков. Жизнь и смерть русского рока. М., 1994. С. 63.
4. Волков П. Указ. соч.
5. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 274—276. Соб. инф.
6. «Лабиринт».
7. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 3. С. 673—674.
8. Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 185.
9. Волков П. Указ. соч.
10. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Кто вышел на площадь // Погружение в трясину. С. 523.
11. Алексеева Л. Указ. соч. С. 191.
12. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 511—512.
13. Сахаровский сборник. С. 313.
14. Вести из СССР. Т. 1. С. 218.
15. Волков П. Указ. соч.
16. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 525.
17. Аксютин В.В. Беседа с автором 22.05. 1998 г.
18. Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 180—181.
19. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 93.
20. Волков П. Указ. соч.
21. Кто есть кто в России... С. 160. Соб. инф.
22. Померанц Г. Цена отречения. С. 91.
23. Волков П. Указ. соч.
24. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 532.
25. Там же. С. 538.
26. Померанц Г. Указ. соч. С. 88.
27. Волков П. Указ. соч.
28. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 528.
29. Там же. С. 529.
30. Там же. С. 541.
31. Буковский В. Указ. соч. С. 179.
32. Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 177—178.
33. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 426—427.
34. Миф о застое. Л., 1991. С. 385.

35. Там же. С. 450.
36. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 31.
37. Аксютин В.В. Беседа с автором.
38. Лакер У. Указ. соч. С. 110. Не столь категорично ту же мысль о предпочтительных условиях развития славянофильской тенденции по сравнению с западной высказывает Д.Кречмар (Кречмар Д. Указ. соч. С. 91).
39. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 718—719.
40. Тимофеев Л. Я — особо опасный преступник. М., 1990. С. 29—30.
41. Волков П. Указ. соч.
42. Аксютин В.В. Беседа с автором.
43. Волков П. Указ. соч.
44. Новодворская В. По ту сторону отчаяния. М., 1993. С. 77, 76.
45. Алексеева Л. Указ. соч. С. 192.
46. Волков П. Указ. соч.
47. Вести из СССР. Т. 1. С. 87.
48. Цит. по: Эллис Д. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. Л., 1990. С. 172.
49. Померанц Г. Указ. соч. С. 101.
50. Алексеева Л. Указ. соч. С. 264.
51. Волков П. Указ. соч.
52. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 511.
53. Там же. С. 510.
54. Там же. С. 511.
55. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 92.
56. Померанц Г. Указ. соч. С. 100—101.
57. Алексеева Л. Указ. соч. С. 192.
58. Шафаревич И.Р. Указ. соч. С. 40—41.
59. Буковский В. Указ. соч. С. 347.
60. Боннэр Е. Постскриптум. Книга о горьковской ссылке. М., 1990. С. 47—48.
61. Там же. С. 48.
62. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 78—79.
63. Боннэр Е. Указ. соч. С. 50.
64. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 162. Л. 2—4.
65. Прибыловский В.В. Беседа с автором 11 сентября 1996 г.
66. Сахаровский сборник. С. 235—241.
67. Буковский В. Указ. соч. С. 59—60.
68. Померанц Г. Указ. соч. С. 101.
69. Там же. С. 90.
70. Лакер У. Указ. соч. С. 146.
71. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 100—101, 103.
72. Там же. С. 101—102.
73. Новодворская В. Указ. соч. С. 77.
74. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 533.
75. Там же. С. 534.
76. Волков П. Указ. соч.
77. Буковский В. Указ. соч. С. 343—344.
78. Прибыловский В.В. Беседа с автором.
79. Горшков М. Общественное мнение. М., 1988. С. 297.
80. Волков П. Указ. соч.
81. Там же.
82. Новодворская В. Указ. соч. С. 78.

83. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 404—405.
84. Волков П. Указ. соч.
85. Эллис Д. Указ. соч. С. 246.
86. Волков П. Указ. соч.
87. Алексеева Л. Указ. соч. С. 255—259
88. См., например: Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 684—685
89. Алексеева Л. Указ. соч. С. 257
90. Там же. С. 258—259
91. Там же. С. 283.
92. Там же. С. 284.
93. Вести из СССР. Т. 1. С. 34.
94. Там же. С. 86.
95. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 64—65.
96. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 2
97. Кузнецов Ф. Конфуз с «Метрополем» // Московский литератор. 1979. 9 февраля.
98. Там же. Упомянутый в этом ряду Ю. Трифонов, известный как инакомыслящий писатель, отклонил предложение участвовать в сборнике, поскольку эта инициатива может иметь негативные последствия для процесса расширения писательской свободы в СССР (Кречмар Д. Указ. соч. С. 281). Оказался ли Трифонов прав? В условиях, когда рамки свободы писательского творчества выставлялись властью в зависимости от ее состояния, история с «Метрополем» не могла существенно повлиять на процесс «расширения» (сужения). Д. Кречмар считает, что «Метрополь» пал жертвой «жесточкого сопротивления культурной бюрократии», отстаивающей свое монопольное право на цензуру (Там же. С. 117). Вряд ли можно признать самостоятельность писательской бюрократии в таких вопросах — как видно из приведенных материалов, окончательные решения принимались выше. Авторитарная власть не претендовала на полный контроль над умами, но и свои подвижные границы оберегал бдительно. В 1979 г. потолок немного опустился, но причины этого многообразны.
99. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 3.
100. Кузнецов Ф. Указ. соч.
101. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 7.
102. Ерофеев В. Десять лет спустя // Огонек. 1990. № 37. С. 16.
103. Ерофеев В. Указ. соч. С. 17.
104. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 4.
105. Там же. Л. 16.
106. Ерофеев В. Указ. соч. С. 18. См. также: Кречмар Д. Указ. соч. С. 106—116.
107. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 21—22. В ноябре 1980 г. Е. Попов создал «Клуб беллетристов», который подготовил второй альманах — «Каталог». Маститых авторов привлечь не удалось. В 1981 г. клуб был разгромлен КГБ (См.: Кречмар Д. Указ. соч. С. 121—123).
108. Ерофеев В. Указ. соч. С. 18.
109. Алексеева Л. Указ. соч. С. 48.
110. Там же. С. 62—63.
111. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 177—185; Взрыв в московском метро. ОПТ, 1997; Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 728—732.
112. Вести из СССР. Т. 1. С. 51.
113. Алексеева Л. Указ. соч. С. 131.
114. Суд очень демократичный // Источник. 1993. № 2. С. 99.
115. См. например: Белая книга. Свидетельства, факты, документы. М., 1979. С. 253.
116. Белая книга. Новые факты, свидетельства, документы. М., 1985. С. 101.
117. Новое время. 1983. № 25. С. 29.
118. Алексеева Л. Указ. соч. С. 131.

119. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 720—721.
120. Аксютин В.В. Беседа с автором.
121. См.: Эллис Д. Указ. соч. С. 146—193.
122. Алексеева Л. Указ. соч. С. 189.
123. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 396—398; Новодворская В. Указ. соч. С. 11, 13—14, 17, 20—21, 60—65, 77, 100—102; Соб. инф.
124. «Просопограф».
125. Новодворская В. Указ. соч. С. 80.
126. «Просопограф».
127. Алексеева Л. Указ. соч. С. 317—318.
128. Новодворская В. Указ. соч. С. 81.
129. Буковский В. Указ. соч. С. 339—340.
130. Там же. С. 341.
131. Там же. С. 342.
132. Там же. С. 363.
133. Алексеева Л. Указ. соч. С. 276.
134. См., например: Вести из СССР. Т. 1. С. 3—24, 197—218; О массовых беспорядках с 1957 года... // Источник. 1995. № 6. С. 153.
135. Калугин О. Борьба КГБ с эмиграцией, «голосами» и организация фальшивок из-за рубежа // КГБ вчера, сегодня, завтра. М., 1994. С. 48.
136. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 89.
137. Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове. М., 1996. С. 682—683.
138. Добрынин А. Указ. соч. С. 536.
139. См. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 765—773.
140. Владимов Г. Сослав его в Горький... // Сахаровский сборник. С. 12.
141. Миф о застое. С. 433—434.
142. Сахаровский сборник. С. 67.
143. Эллис Д. Указ. соч. С. 44—53, 201, 232—244; «Запад ищет сенсаций... Заявление священника Д.Дудко // Известия. 1980. 21 июня; Почему Зюганов должен стать президентом? М., 1996. С. 9—10.
144. Аксютин В.В. Беседа с автором.
145. Запад ищет сенсаций... Заявление священника Д.Дудко // Известия. 1980. 21 июня.
146. Воскреснет церковь — воскреснет Россия. Послепасхальные мысли отца Дмитрия Дудко // Солидарность. 1994. № 10. С. 8—9.
147. Эллис Д. Указ. соч. С. 241.
148. Аксютин В.В. Беседа с автором.
149. Там же.
150. Эллис Д. Указ. соч. С. 225—226.
151. Там же. С. 224—225.
152. Алексеева Л. Указ. соч. С. 277—279.
153. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 133.
154. О массовых беспорядках с 1957 года... С. 153; Алексеева Л. Указ. соч. С. 277—279.
155. Коммунист. 1981. № 14. С. 98.
156. Дело Кагарлицкого // Солидарность. 1991. № 12. С. 13.
157. Урушадзе Г. Указ. соч. С. 239—240.
158. Цит. по: Урушадзе Г. Указ. соч. С. 241.
159. Там же.
160. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 252, 312—313; Дело Кагарлицкого. Гласность. 1989. № 29; Кудюкин П.М. Беседа с автором; Прибы-

- ловский В.В. Беседа с автором; Кагарлицкий Б.Ю. Беседа с автором. 6 июня 1987 г.
161. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 170—171.
 162. Он между нами жил... С. 94.
 163. О массовых беспорядках с 1957 года... С.153.
 164. Он между нами жил... С. 91.
 165. Сахаровский сборник. С. 284—285.
 166. Он между нами жил... С. 238, 407.
 167. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 837—840.
 168. Там же. С. 844—846, 856.
 169. Там же. С. 847.
 170. Там же.
 171. Он между нами жил... С. 689.
 172. Там же. С. 410.
 173. Сахаров А. Опасность термоядерной войны // Боннэр Е. Указ. соч. С. 263.
 174. Дороницын А.А., Прохоров А.М., Скрябин Г.К., Тихонов А.Н. Когда теряют честь и совесть // Известия. 1983. 3 июля.
 175. Цит. по: Боннэр Е. Указ. соч. С. 57.
 176. Там же. С. 62.
 177. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 900—901.
 178. Там же. С. 892—893.
 179. Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 306.
 180. Андрей Дмитриевич. Воспоминания о Сахарове. М., 1990. С. 73—74.
 181. Он между нами жил... С. 690.
 182. Там же. С. 90.
 183. Добрынин А. Указ. соч. С. 584.
 184. Он между нами жил... С. 95.
 185. Там же. С. 216—224.
 186. Боннэр Е.Г. Кому нужны мифы // Огонек. 1990. № 11. С. 25.
 187. Он между нами жил... С. 238.
 188. Там же. С. 243.
 189. Там же. С. 225.
 190. Там же. С. 100.
 191. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 336.
 192. Алексеева Л. Указ. соч. С. 193.
 193. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 112.
 194. О журнале «Левый поворот». С. 1. Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В.
 195. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 504.
 196. Алексеева Л. Указ. соч. С. 285.
 197. Корсетов В.Е. Беседа с автором.
 198. Новодворская В. Указ. соч. С. 97.
 199. Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В.
 200. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 335.
 201. Социализм и реальность // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В. С. 2.
 202. О журнале «Левый поворот» // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В.
 203. Сокирко В.В. Экономика 1990 г.: что нас ждет и есть ли выход? // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В. С. 7.
 204. Там же. С. 9.
 205. Там же. С. 9—10.